

Непонимание современности есть следствием незнания прошлого.

Марк Блок

Монах Евстахий в своей книге рассказывает, что когда святой Алоисий услышал, как один человек с шумом выпустил газы, он ударился в слёзы, и только молитва его успокоила. Такие типы на людях страшно читать непристойные надписи на стенках. Употребив в своей книге несколько сильных выражений, я просто запечатлел то, как разговаривают между собой люди в действительности.

Ярослав Гашек

Что взаправду было и что миром сложено — не распознаешь.

В. Даль

Лжи не будет.

Вересаев

В этой истории всё правда, хоть я и выдумал её от начала до конца...

Борис Виан

Вдарь им покрепче, разясни что хотел — и двигай дальше.

Йоахим Фриц Крауледат (Джон Кэй)

Вместо предисловия

Затяжной прыжок в воспоминания...

Виктор Цхварадзе

Вот проклюнулось молодозелено по никлым бурым ветвам — уже косматого зимнего выворота ключьями мёрклыми обозначена стёжка приветная, дворней хвостастой проторённая от подполья скрытного и на кровли, рассветной сквозистой моросью побитые. Сквозь ветрастый лиловый окоём поспешает сулящий обильный косохлёт, влагою полный, переливчатый наволок — весна!

Должно на душе радостно сделаться, трепет в жилах должно ощутить, воспарить должно от ретирады гумора меланхолического пред гумором сангвиническим и, воспарив, стряхнуть оцепенение тусклое, зимней беспогодицей приневолённое.

Длань окрепшая к коммуникатору тянется, другая — к пожухлым листам рассыпанной старопрежней книжки памятной: друзей закадычных

надобно призвать на шабаш, ибо грех это — в одиночестве привечать Обновительницу.

Итак (пальцем по строкам):

Д. — Хайфа;

И. — старается где-то меж заливом Святого Лаврентия и берегами Великих озёр;

Г. — жирует в далёкой стране кенгуру;

А. — Москва златоглавая;

Е. — горделивые Афины;

Ж. — Сабурталинский погост;

З. — здесь, но скурвился;

Ю. — ах, какая была фемина! — трое внучат, артрит, варикоз;

П. — гробовище Вакийское;

Т. — рядом с П.;

Б. — гипертонический криз;

М. — от немощи завязал насовсем...

Что же грусть так разум смутила? Весна ведь подкралась, животворница, воспарить должно...

Дым в майке лидера гонки
перемахнул через забор,
зря у чугунной колонки
вычертив пьяный узор.

Это не моё, это — Витино: до первой седины собак гонял, а приспело время полтинник разменивать — в сочинительство ударился...

Полночь. К ведьмам на шабаш
гуртом всем. Враз расцвело
в пыльце рыльце и бесценно
на полставки помело.

Здорово? Ещё бы не здорово. Кабы могли себе представить в студенческую пору, пескинским зубам пересчитывая, что хулиган Витя, заматерев, подобное сподобится накропать, оградили бы от схода лихих во избежание возможного урона организму пиита грядущего...

Витя — сочинитель?! Метаморфоза! Когда повстречались невзначай после долгого необщения — изрядное время мотало меня по просторам российским в поисках пропитания для семейства разраставшегося, — Витя поделился тайным: пятьдесят — неуютный возраст, нагоняет-де страх с задуманным-обязательным не поспеть, и после третьей обозначил это задуманное — извлёк из потайного кармана одревеневшей робы (времена,

как и ныне, ошеломительные стояли, высшей категории градостроитель трудился грузчиком на рынке стройматериалов) сложенный вчетверо листок, продекламировал чёртовой кочергой заломленную строфу. Два года спустя Витя умер: прикорнул после бессонья—творил он, как и положено одержимому словом, в ночной тиши,—и не проснулся. Оставил за собою две тоненькие книжки стихов. Много это или мало—две книжки? Для Витино письма—много: каждая строка—премикс, предельно уплотнённый, из фрагментов прошлого, настоящего и грядущего сформатированный, сгусток логоса—бесконечно ёмкое в малом:

Комбикорм
гранул Эи и
рудничной крепью
бронз пунктиры.
Почти зол керамзит
на самшит, не елейный в нём трепет
черт тепличной коры...

По-видимому, чуял Витя—поджимает время, вот и изобретал веские, подобные прицельному выстрелу словоформы, чтоб успеть. Успел, да и попрощался перед уходом:

Птица-царь,
прощай, иль как? Куда-то да и канешь.
Я—в зазеркалье, в сонмище теней.

В щенячестве о поэтах, писателях, музыкантах, художниках мыслил я как о существах высшего порядка. После, с лёгкостью освоив начала живописи, музицирование и даже музыкальное сочинительство, поначалу испытал некоторое разочарование, но скоро смирился со вскрывшейся вдруг гениальностью и способности свои стал воспринимать как должное. Наверное, по этой причине и не застало меня врасплох объявившееся вдруг моё писательство.

Витю я перешиб уже на червонец с лишком; кабинет мой, где некогда чертёжные и счисляющие производящие приспособления соседствовали с продукцией, при их же помощи изготовленной, нынче на пункт приёма макулатуры походит: кипы черновики (творю я по старинке—карандаш да ластик), распечатки завершёнки, папки с незавершённой—рассказы, статейки с истекающим «сроком годности», пиратский роман—«вот только последнюю главу дописать», ожидающаяся заключительной, придиричливой читки повесть с «чертовщинкой» и многое что ещё.

Хозяйство это вопиет о непремненности упорядочения, срочного экспедицирования отобранного качественного к вероятным публикаторам, незамедлительной утилизации отбракованного... ан нет: не ко времени одолели воспоминания, необходимость переоценки прошлого озоботила,

к исповеди потянуло. Тому и объяснение имеется: которому под семьдесят—есть многое что сказать, только вот сегодня мало кто настроен его выслушать,—как некогда посетовал снедаемый вселенской тоской и чахоткой фантазёр из Дижона: «Какое дело нынешнему неверующему веку до наших чудесных легенд?..»

Век девятнадцатый—век двадцать первый: лики разнятся—содержание сходное: какое дело самому циничному веку... однако рискну—быть может, найдётся дюжина-другая закоснелых обскурантов, коим откровения обветшалого ворчуна придутся по сердцу; может статься, и среди младой поросли объявится толика «не совсем пропавших» попятчиков, приобщённых к традиции напитки организма опытом предшествующего поколения любознательных юнцов,—в таком случае старания мои не обернутся тяжанием напрасным, да и наличие хоть какого числа благодарных читателей освобождает автора от ответственности за принуждение общества к чтке его писанины. Приступим, ангелов тёмных и светлых в помощь призвав...

Часть I. Детство

.....

Успеем на трамвай—три шага до подножки.
Но это не трамвай уже, а дрожки!
И к лучшему. В них можно и поспать...
Ну а пока—гони! Быстрее! Вспять!

Паола Урушадзе

Диорама

С лета 1941 по лето 1944 года в результате гитлеровской агрессии были разрушены предприятия, на которых производилось тридцать три процента промышленной продукции, и уничтожены сорок семь процентов посевных площадей СССР.

В 1948 году страна достигла довоенного уровня производства и превзошла его.

С 1949 года страна перешла к этапу дальнейшего развития промышленности и достигла удивительных результатов: в 1952 году был в два с половиной раза превышен уровень производства 1940 года.

В пятидесятые годы начиналась какая-то новая жизнь—был у нас недолгий период взаимного доверия между большинством народа и властью, такого никогда не было до и, наверное, уже не будет. Пишу это отнюдь не с чужих слов—я застал то время и жил в нём...

1. *Вагончик тронется, вагончик тронется...*

Первая конка была запущена в Тифлисе 23 марта (3 апреля) 1883 года предпринимателем Шевцовым. В 1885-м предприятие перекупило «Анонимное общество трамваев Тифлиса» со штаб-квартирою

в Брюсселе. С июня 1904-го по август 1905-го линию электрифицировали, в Тифлисе появился электрический трамвай. Конкурирующая фирма—открытая в 1888 году частная конная линия господина Корганова—была выкуплена бельгийской компанией в 1897-м, электрифицирована в 1910-м.

15 марта 1915 года вся городская сеть была муниципализирована. Тот трамвай начала прошлого века существенно отличался от нынешних: вагоны были поменьше, открытые передняя и задняя площадки отделялись от внутреннего салона задвигающимися дверями. На передней площадке на высоком металлическом табурете помещался сам вагоновожатый. Перед ним двигатель—чёрный чугунный короб с надписью «ДИНАМО» на крышке. В хвосте вагона главенствовал кондуктор, в служебной форменной шинели, с навешенной через плечо кожаной сумкой-казной, на ремне—дощечка с билетами (билеты различного достоинства в зависимости от длины маршрута и количества расчётных станций). От кондуктора к вагоновожатому тянулся через весь вагон сигнальный шнурок: посадка закончилась, кондуктор дёргает за шнур, на передней площадке звонит звонок, вагончик трогается...

Управление и трамвайный парк—Муштаидский переулок, недалеко от вокзала, собств. домъ.

Пассажиръ, взявший пересадочный билет, может сделать пересадку у пункта соединений двухъ линій и продолжить путь въ любомъ вагоне съ темъ, чтобы пересадки происходили въ ниже указанныхъ 22-хъ пунктахъ:

1. Повивальный институтъ (Ольгинская ул.),
2. Удельный подвалъ (Ольгинская ул.),
3. Аптека Земеля (Ольгинская ул.),
4. Эриванская площадь,
5. Вознесенская церковь,
6. Памятник Воронцову,
7. Кахетинская площадь,
8. Мухранскій мостъ,
9. Кирка (Михайловский просп.),
10. Саманная площадь,
11. Тюрьма,
12. Пироговская улица (уголь Пир. и Мих.),
13. Вокзалъ,
14. Муштаидъ,
15. Дидубэ,
16. Управление Зак. ж. д.,
17. Нахаловка,
18. Авчальская (Черкезовская Аудитория),
19. Черноморская улица,
20. Бойня,
21. Школа садоводства,
22. Солдатский базаръ.

Год 1941:

№1: Вокзал—Колхозная площадь.

№3: Вокзал—Мелькомбинат (Навтлуг).

№5: Колхозная площадь—Ваке.

№9: Вокзал—Лоткинская гора.

№11: Завод им. Кирова—Колхозная пл.

2. Зайчики в трамвайчике...

В сорок первом меня ещё и на свете-то не было, а вот годков так двадцать спустя я, шпана ваткийская, уже вовсю безобразничал, раскатывая «зайцем» в дребезжавших плохо закреплёнными стёклами вишинёвых вагонах. Самым популярным у трамвайных хулиганов был маршрут №1: 9-я больница—Госуниверситет—Дезертгирский базар—Дидубийский автовокзал—Муштаид—Госкинпром—Площадь Героев—Госуниверситет—9-я больница.

Маршрут мы ценили из-за значительной протяжённости: поездка «туда-обратно» длилась почти три часа, отсюда—широчайшие возможности для состязаний малолетних правонарушителей.

На «кругу» у «девятой» в вагон вместе с законопослушными пассажирами пробиралась ватага «зайцев» душ в семь-восемь, после начиналась охота: кондуктор отлавливал и ссаживал безбилетников, иногда с помощью вагоновожатого и добровольцев-общественников. Гаер, продержавшийся дольше всех и не угодивший при этом в руки простого милиционера, имел по возвращении триумф, ну а умудрившийся вернуться к пункту отправления в том же самом вагоне, в который изначально проникала бригада, удаивался «олимпийских» почестей...

3. Диспозиция

Ваке поспешало за протянувшейся до западного предместья трамвайной линией, руководил возведением градообразующих зданий мой батюшка, он же отстроил на углу Караульной и Закария Палиашвили уютный трёхэтажный особняк—ведомственный дом городской управы, в котором я и появился на свет.

Наш околоток являл собой вполне самостоятельный микрокосм. Судите сами: четвёрка стронных по ширине кварталов залегала на узком—двести пятьдесят шагов—пространстве между уступистым склоном правого крыла Мтацминды (Святая гора) и глубоким оврагом, по которому сбегала пенистая Вере. С восточного торца—подворье городского управления пожарной команды, противоположный торец упирался в обширный парк Победы, посередке—райотдел милиции с детской комнатой, паспортный стол, сберкасса, нотариальная контора, поликлиника для недорослей, библиотека, чуть поодаль «взрослая» поликлиника, девятая больничка (бывшая православная семинария), детский садик, баня, два ателье индпошива,

ателье модельной обуви, три аптеки, почта, отделение «Союзпечати», телефонная станция, ломбард, фотоателье и керосиновая лавка. Присутствовал даже свой венеролог, державший в квартире тайный кабинет, о котором, впрочем, знал и стар и млад и куда, дождавшись сумерек, крадучись пробирались местные сердцееды. Наши дамы то ли отличались высокой нравственностью, то ли знали профильный адрес в другой части города, ибо посещения трипперариума узнаваемыми особами не наблюдалось — в «нехорошее» парадное заглядывали исключительно залётные гражданки...

Изобиловал улежный наш уголок и просветительными домами: четыре общеобразовательные школы, школа музыкальная, топографический техникум, институт иностранных языков, зооветеринарный институт, сельскохозяйственный институт, педагогический (Пушкинский) институт, институт усовершенствования врачей.

Из развлекательных учреждений — кинотеатр на два зала и ещё одна киношка попроще в пограничном с больничкой Студенческом городке (общезжитие городских студюозусов).

Радовало обилие магазинов: вывески «Ткани», «Трикотаж», «Мужское платье», «Дамское платье», «Ковры», «Обувь», «Ювелирные изделия», «Культувары», «Игрушки», «Книги» чередой тянулись по фасадам помпезных, изобиловавших архитектурными изысками зданий, обрамлявших срединный проспект. Внутри лепнина, позолота, драпированные стены, зеркала в ореховых рамах, посыпанный опилками дубовый паркет... Не лишним будет добавить, что обширный Вакийский погост также располагался буквально в двух шагах от наших владений.

4. Фураж

Вспоминая самое начало, всё больше склоняюсь к мнению, что планировкой околотка занималась некая секта тайных раблезианцев: скопище разномастных продовольственных магазинов воодушевляло изнурённых послевоенным аскетическим укладом горожан.

Лёгкий, постоянно продувавший Караульную ветерок с раннего утра услаждал обоняние аборигенов формировавшимся в её устье сложным букетом из ароматов свежей сдобы, хорошо прокопчённого окорока, парного молока и душистых сыров.

Хлебный дух исходил из распахнутых дверей двухсекционной булочной, в первой зале которой на гладко оструганных деревянных полках соседствовали увесистые караваи обстоятельного «Деревенского», плоские ребристые лепёшки чванливого «Греческого», аккуратные кирпичи сытного «Солдатского», ряды поджаристого простецкого круглого, нейтральные голыши серого, шершавые подовики душистого ржаного и неприметные буханки всесословного чёрного.

Во второй зале ошеломлял рассыпной избыток разнообразной выпечки: булки французские, сайки, присыпанные маковым семенем витые халы, озорные роголики, румяные сверху и вязко упругие внутри булочки с изюмом, слойки, булочки с жареным лесным орехом, коржики, хрустящие язычки, решётчатые сверху пироги с повидлом, кексы бисквитные, печенье миндальное, печенье овсяное, печенье песочное, пряники мятные и медовые, баранки и сушки — и, наконец, сухарики ванильные и сухарики лимонные... Вкупе весь этот избыток источал столь пронзительное, отдававшее брагой благоухание, что покупатели покидали магазин, слегка захмелев, и, что естественно, тянуло их к традиционным закускам в чертог Акоппетровича.

А у Акоппетровича по левой стене, над полками, имелся никелированный прут, с которого свисали копчёные окорока, гирлянды сосисок и сарделек, связки варёных колбас на выбор: «Экстра», «Языковая», «Любительская», «Слоёная», «Телячья», «Столичная», «Отдельная». Колбасы попроще — «Докторская», «Столовая», «Чайная», «Закусочная», «Ливерная» — томились на полках. Под стеклом прилавка красовались пропахшие можжевеловым дымком мясные вкусоности: шейка, корейка, филей, шпик деревенский, шпик по-венгерски, буженина, сальтисоны, карбонад...

В глубине магазина суровый мясник отпускал свежатину: позади прилавка возвышалось лобное место, высоко над ним — похожие на старинные географические карты разноцветные схемы разделки убоины, пониже, вдоль кафельной стенки, освежёванные свинки, овечки, бурёнки...

Засучив рукава обгарённого кровью жертвенных овнов халата, звероподобный Алекси сбрасывал на плаху говяжью тушу, подрезав пашину, одним молодецким ударом топора разваливал её по последнему ребру, смахивающим на абордажный тесак клинком отделял лопатку и за считанные секунды обваловывал кусище малым косарём. На прилавке — оцинкованные лотки: грудинка, покромка, тонкий край, вырезка; рядом — бараний бок, свиные антрекоты; отдельно — мякоть по сортам на котлетный фарш...

Справа — молочное море: двухведерные бидоны с цельным разлитым, сетчатые ящики с бутилированным топлёным, ряженкой, кефиром, сливками, сметана в бидонах четвертных. Здесь же остров-прилавок, на нём эмалированные корытца с глыбами масла: беломраморное «Любительское», золотистое «Крестьянское», незнатные «Чайное» и «Бутербродное», замыкающим — сбивающее с ног пряным ароматом «лакированное» «Шоколадное». Под стеклом — разномастные творческие сырки. На полках — пирамиды из сгущёнки «вульгарной», сливок, сгущённых с сахаром, сгущёнки с какао, сгущёнки с кофе и сахаром...

Ближе к углу ушастые дубовые кадки обозначали территорию королевства сыров. В самих полубочках в рассоле нежились красная брынза и слоистый масляный «Сулугуни», на прилавке возлежали белоснежные сфероиды сытного «Осетинского», янтарные на разрезе бочонки пахучего «Тушинского», внушительные «колёса» сладковато-терпкого «Швейцарского», источавшие янтарную слезу бруски пряного «Советского», червлёные «головы» обстоятельного «Голландского», выпуклые с боков круги пикантного «Костромского», брикеты меланхолически-нежного «Пошехонского»... я ничего не запамятовал? Если и так, то ничего удивительного — шестьдесят годков минуло с той благодатной поры...

Покупателей встречал сам Акоппетрович — сухощавый, чисто выбритый, элегантный: двубортный пиджак цвета остывшей золы, белоснежный воротничок, строгий шёлковой галстук ручной работы, изящные дерби серой замши — денди, а не завмаг. Всех, повторяю — всех, домохозяек окотка щёголь знал в лицо, сердечно раскланивался с каждой, задушевно справлялся о домашних делах: смею утверждать — наши дамы гаера обожали и частенько повторяли, что у Акоппетровича продаётся провизия, остальные же магазины торгуют вульгарной снедью...

Не бывало у Акоппетровича рыбы и копчёных колбас: думаю, торговое начальство сознательно обделяло популярный магазин и, дабы не захирели остальные торговые точки, переправляло балыки и краковскую с Полтавской в гастроном у ментовской, а обширный лабаз напротив больницы был затоварен бакалеей, фруктами и вызывавшими обильное слюноотечение у недорослей лакомствами «Тбилкондитера» и именной нашей шоколадной фабрики.

По-видимому, этого изобилия всё же было мало, ибо в перенасыщенные витринами кварталы городские власти умудрились втиснуть ещё с полдюжины продуктовых лавок, специализированный винный магазин, диетическую столовую, молодёжное кафе, сосисочную, три пивных киоска и знаменитую на весь город кондитерскую, любовно прозванную обывателями «Наша Франция».

5. Индустрия

В основном — «сталинские» артели. В бельэтаже противоположащего нашему дому приземистого кирпичного особняка стрекотали станки шёлкомотального предприятия, для нас, недорослей, крайне полезного: нить с кокона перематывалась на картонные, длиной в пядь и толщиной в палец, катушки, из которых, насаживая их друг на друга, изготовляли мы великолепное оружие ближнего боя — шпаги, пики, дротики, благо станочницы щедро одаривали ребятню отбракованными шпульками.

Выше по улице трудились умельцы обувной артели, тачали модные в дохрущёвские времена замшевые ботильоны на высоченном, в три дюйма, каблуке и мужские «утконосы» телячьей кожи.

Околоток застраивался жильём, новосёлам требовалась мебель — в овраге Вере спешно была обустроена профильная фабрика: гнули венские стулья, изящные этажерки, собирали зеркальные буфеты, кухонные столы, кровати — весь будущий вакийский бомонд был зачат на тех ложах.

При мебельной артели расплодилось кооперативы — частники скручивали пружины для матрасов, вязали кроватные сетки, штамповали обивочные гвозди.

Одноглазый грек, прозванный нашими остро-словами Циклопом, изготовлял отличные лаки и политуру.

Земляки Циклопа затеяли камнерезную мастерскую: понтийские греки — знатные каменотёсы, — снабжали окрестные стройки гранитной плиткой, балясинами, капителями, розетками, консолями.

Натурализовавшиеся немцы из интернированных гасили известь, обжигали кирпич, черепицу, тёрли самолучшие краски для побелки.

Там же, в овраге, помещалась наша гордость — именитая сосисочная фабрика: даже когда в разросшемся городе построили и запустили несколько крупных мясокомбинатов, коренные горожане по старой памяти рыскали по гастрономам в поисках «вакийских» сарделек и сосисок «с прищёлком».

Вечерами, когда гудок мебельной оповещал о завершении рабочего дня, овраг затихал, слышался только негромкий плеск речных струй, и разливался по склонам лёгкий хмельной запах — в застывшей на трудовую вахту пекарне созревала опара...

6. Арбайтен

22 июня 1941 года укомплектованная Закулисой коалиция (Германия, Италия, Румыния, Венгрия, Болгария, Словения, Хорватия) напала на СССР. Уже 6 июля того же года в Манглиси (тридцать четыре километра от Тифлиса) принимал гостей первый в Грузии лагерь для военнопленных, а в августе постояльцы лагеря делали в близлежащей Цалке арбайтен — началось строительство самой мощной на то время в Закавказье гидроэлектростанции — в августе, господа-товарищи, в августе, Гитлер только-только брал Смоленск и намеревался идти на Москву!..

В годы войны Советская армия пленила 5 016 900 иностранных военнослужащих. Также в плену оказалось более 200 000 воевавших на стороне Германии граждан СССР. Из стран Восточной Европы были интернированы 208 200 тамошних немцев и 61 600 функционеров низовых партийных и административных структур вермахта из местных жителей.

В конце сорок пятого освободили 741 000 душ. Остальные продолжали восстанавливать ими же разрушенное на территории одной шестой части земной суши.

Справка о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 году: после капитуляции Японии 639 776 человек, в том числе 609 448 японцев и 30 328 китайцев, корейцев, монголов и других, были взяты в плен в Маньчжурии, на Южном Сахалине и в Корее и высланы в лагерь.

По решению Женевской (1929 года) конвенции пленных следовало освобождать после акта об окончании войны. СССР и Япония заключили соглашение о прекращении состояния войны только 19 октября 1956 года, тогда и началась репатриация японцев, которая завершилась в декабре того же года. Всего вернулось в Японию 546 752 человек.

У нас было обустроено десять лагерей, в составе которых насчитывалось шестьдесят шесть лагпунктов и восемнадцать рабочих батальонов: следом за Манглиским начал функционировать лагерь в Джандарах (сорок километров от Тбилиси), заключённые этого лагеря приступили с нуля к строительству будущего центра грузинской индустрии—города металлургов Рустави. Позднее, после Сталинградской битвы, уже в самом Рустави организовали лагерь №184 «Закавказлаг» с двенадцатью лагпунктами: шесть из них были задействованы на месте—строили металлургический комбинат, два разместили в Тбилиси (возведение Навтлугского вокзала), один в Чиатура (реконструкция горно-обогачительного комбината дореволюционной постройки), один в Булачаури (головные сооружения второй нитки тбилисского водопровода), один в Цхалтубо (обустраивали курорт), один в Зестафони (реконструкция завода ферросплавов).

В Тбилиси в сорок четвёртом было открыто управление «Авчаллага» (№236) с тринадцатью лагпунктами; подневольные труженики пяти из них, дислоцированных в самом городе, сооружали предприятия в промзоне, тянувшейся от Земо-авчалльской ГЭС до Навтлуги; три лагпункта располагались в Болниси (строили Маднеульский золотодобывающий комбинат), один в Боржоме (обустройство курорта), один в Кутаиси (строительство автозавода и азотно-тукового комбината), два в Кахетии (винные заводы «Мукузани», «Кварели»).

В начале сорок пятого открылся лагерь №146 с десятью лагпунктами от Сухуми и до Очамчире—отстраивали курортную зону.

Осенью сорок пятого добавили ещё лагерь—Зугдиди, Поти, Супса: заключённых задействовали в аграрном секторе—чайные и цитрусовые плантации.

В сорок пятом для лечения больных и раненых военнопленных в Сабуртало отстроили спецгоспиталь №1563 (строили пленные японцы), который позже был перепрофилирован в Республиканскую инфекционную больницу.

Когда в конце войны началась массовая репатриация, из числа владевших и освоивших строительные навыки трудоспособных военнопленных для завершения особо важных объектов сформировали особые рабочие батальоны. Эти вкалывали до 1956-го включительно.

Что построили пленные в Тбилиси после войны? Вторую очередь Дома правительства (нынешнее здание парламента), достроили корпуса политехнического института, набережные от моста Элбакидзе и до моста Бараташвили, здание «Грузугля», Дом связи на Руставели...

У нас в Ваке—сельскохозяйственный институт на Чавчавадзе, зооветеринарный институт на Барнова, новое здание института иностранных языков, Студенческий городок и многое ещё...

Батюшка, залечивший в тифлисском госпитале керченские «трофеи», командовал тройцей рабочих батальонов на вакийских стройках. Рассказывал мне, живо интересовавшемуся событиями той поры:

—Представь себе: подневольные, казалось бы, вредительствовать должны были, так нет, придраться не к чему было. А когда к концу смены конвой за ними приезжал, они, прежде чем шабашить, лопаты и кирки от налипшей глины отмывали, протирали ветошью насухо, складывали в каптёрку и тогда только в кузова полоторок залезали, одним словом—немчуря: ordnung muss sein...

7. Люди

Эскулап

Вот перед мною больной; он лихорадит и жалуется на боли в боку; я выстукиваю бок: притупление звука показывает, что в этом месте грудной клетки лёгочный воздух заменён болезненным выделением; но где именно находится это выделение—в лёгком или в полости плевры? Я прикладываю руку к боку больного и заставляю его громко произнести: «Раз, два, три!» Голосовая вибрация грудной клетки на больной стороне оказывается ослабленной; это обстоятельство с такой же верностью, как если б я видел всё собственными глазами, говорит мне, что выпот находится не в лёгких, а в полости плевры. Какая громадная, многовековая подготовительная работа была нужна для того, чтобы выработать такие на вид простые приёмы исследования...

В. В. Вересаев, 1895 год

Илларион Иорданович, или батона Илико, лекарь, как он на старый лад величал себя сам,—классический чеховский тип состоявшегося доктора:

видавшая виды трость орехового дерева, массивный брегет, пузатый саквояж; зимой — башмаки на пуговках (в дурную погоду обувь пряталась в штучные калоши, трость заменял аглицкого фасона остроносый зонт), бутылочно-зелёная федора с траурной лентой, пальто бурнастого тяжёлого драпа; в летнюю пору — парусиновые туфли, свободная чесучовая пиджачная пара, золотистой соломки короткополая шляпа; внимательные добрые глаза за стёклами в металлической оправе, щётка усов, седой ёжик по крутлобому черепу, дикий волос в ноздрях и неторопливый, деликатный говор — этаким старичок-боровичок; однако в войну руководил полевым подвижным госпиталем, дошёл с ним до Потсдама, вперемешку с нашими бойцами лечил там горожан, страдавших после бомбёжек психопатологическими рецидивами, вернулся с фронта в сорок седьмом и незамедлительно был назначен заведующим детским отделением железнодорожной больницы.

В пятьдесят пятом Иллариона с почестями проводили на пенсию, и он, проживавший в самом сердце нашего околотка, принял его обитателей под свою опеку.

Илларион безошибочно ставил диагноз. У двоюродной прокурорши, которой в городской онкологичке намеревались удалить опухоль кишечника, определил вульгарный протозойный колит и в трёхнедельный срок избавил от него страдальцу при помощи копеечного энтérosептана вкупе с травяными клистирами. Был старомоден, но неизменно добивался успеха во врачевании даже самых запущенных больных. Призванный к страждущему, прежде чем приступить, тщательно мыл руки, после извлекал из саквояжа архаичную слуховую трубку, выслушивал сердце и лёгкие; заслышав приглушённый тон, выстукивал сомнительное место; завершив аскультацию с перкуссией, вставлял в уши оливы фонендоскопа и измерял кровяное давление трофейным тонометром (предмет вождения завистливых коллег). После манипуляций на некоторое время впадал в задумчивость, далее, пальпировав утробу болящего, рассмотрев его язык, садился к столу выписывать рецепт, что означало — можно задавать вопросы.

На протяжении долгих лет Илларион брал под заботливое крыло всех новорождённых в пределах досягаемости и принимал последний вздох покидавших этот мир праведников. Даже врачи обеих наших поликлиник, а надо сказать, в те времена представители низового медперсонала отличались весьма высокой квалификацией, нет-нет да и консультировались с ветераном...

Илларион без устали вправлял вывихи, вскрывал нарывы, залечивал незаживающие раны, сбивал жар у горячечных, ставил на ноги анемичных, усмирлял тяжкие приливы у климактеричек.

Его приглашали консультировать особо тяжёлых в городской тубдиспансер, он незамедлительно возвращался в строй при вспышках детских инфекций.

С утра и до позднего вечера, в любую погоду, наш целитель передвигался от дома к дому, от парадного к парадному, названивая от очередного больного на домашний номер — справится ли, не поступало ли новых вызовов. И ещё — во многих семьях наставлял день, когда Илларион переставал брать деньги. «Хватит», — коротко говорил он при очередном визите, что означало: дальнейшая опека будет продолжена на безвозмездной основе.

Особые отношения сложились у Иллариона с матушкой, ибо давно уже они приятельствовали, — матушке даже дозволялось вступать в полемику с непререкаемым обычно лекарем. К примеру, облопавшись добытой в набеге на верийские сады незрелой черешней, валяюсь я с желудочной коликой. Илларион слушает мою урчащую утробу: — Тamar, давай попробуем норсульфазол... — Ой, батоно Илико, может, не надо норсульфазол? Слишком уж сильный препарат... — Ну, тогда назначим сульгин... — Ой, батоно Илико, у сульгина столько побочных... — Хорошо, не будем сульгин, — кротко отвечает Илларион, присаживается к столу, свинчивает колпачок с вечного пера и, посапывая мохнатыми ноздрями, принимается за составление прописи: «*Flores Chamomillae officinalis* — 30...»

Отпустив меня в Большую жизнь, Илларион занялся моими дочурками, явление которых миру стало возможным опять-таки благодаря сметливости доброго доктора.

А дело было так. За неделю до собственной свадьбы я вдруг опух. Вернее — опухла моя шея, спереди, до чудовищных размеров. Вечер отошёл ко сну вполне себе симпатичным юношей без признаков какой-либо хвори, а пробудился оттого, что не мог ворочать головой — мешал тугой лиловый зоб размером с небольшой арбуз. В доме сделалась тихая паника: батюшка помчался по городу собирать консилиум, матушка свалилась с давлением, без толку суетились соседи... Заглянула возвращавшаяся с примерки невеста — сообщить, что свадебный наряд почти готов, осталось чуть укоротить подол и подогнать вытачки... её увели в лоджию отпаивать валерьянкой...

Батюшка привёз троицу именитых профессоров, расселись полукругом у одра, рассматривали, крайний справа потыкал пальцем. — Гландула тиреоидеа, бесспорно, и фолликулярная карцинома при ней. Что скажете, коллеги? — изрёк первый. — Учитывая некоторый сдвиг влево — подчелюстная слюиваре гландем, и, судя по тому, что опухоль плотная, — плоскоклеточная форма, — возразил второй.

Батюшка привёз троицу именитых профессоров, расселись полукругом у одра, рассматривали, крайний справа потыкал пальцем.

— Гландула тиреоидеа, бесспорно, и фолликулярная карцинома при ней. Что скажете, коллеги? — изрёк первый.

— Учитывая некоторый сдвиг влево — подчелюстная слюиваре гландем, и, судя по тому, что опухоль плотная, — плоскоклеточная форма, — возразил второй.

— Саркома! — отрезал третий. — Синюшность, характерный отблеск эпителия...

— Ошибаетесь, коллега, прощупываются железистоподобные структуры...

Хоть и окончательно смущённый разумом, но различия я сквозь их речения знакомое посапывание — появился Илларион, чуть склонив голову в сторону почтенной троицы, приподнял шляпу, придвинулся к кровати, глянул пристально:

— Чем бреешься, безопаской? Переходи на электробритву...

Подсел к ночному столику, достал вечное перо. Помахивая рецептом, дабы просохли чернила, обратился к именитым:

— При всём уважении, коллеги, смею заверить: за полувековую практику я ещё не имел случая, чтобы саркома величиной с дыню выросла за одну ночь. Тамар, — повернулась к матушке, — в аптеку: димедрол по ноль ноль-пять утром и вечером, кальций хлоратий и аскорбинку — отёк Квинке это, порезался, когда брился, и инфекцию в железки вогнал, через день-другой спадёт. Так что готовьтесь к свадьбе — и счастья молодым!..

Мир праху твоему, добрый доктор Илико!

Письмоноша

Бежан, он же Бенжамен Г., — правнук гидроинженера-бельгийца, приглашённого князем Бярятинским для исследования русла Риони на предмет пригодности реки к судоходству (начиналось строительство Потийского глубоководного порта). Проживал с супругой — француженкой из местных — в «итальянском» дворе на Белинского.

В первые дни войны, как квалифицированный спец (с молодых когтей трудился автомехаником в гараже НКВД), был призван в автомобильные войска. Под Киевом попал в плен и был этапирован в апокалиптический Заксенхаузен. В 1942-м инженер Порше предложил использовать узников концлагерей на автомобильной фабрике в Фалерслебене (современный Вольфсбург), где для этого близ города обустроили лагерь Арбайтсдорф. В апреле того же года в лагерь прибыла группа отобранных в Заксенхаузене военнопленных, в числе которых пребывал и Бежан-Бенжамен.

В сентябре, за месяц до закрытия лагеря, Бежан сбежал, благодаря безупречному немецкому — бабка нашего героя была из тифлиских немколонистов — и европеоидной внешности — белобрысый, голубоглазый, нос флюгером, тонок в кости, — снабжённый адресами надёжных явок — подпольщики из рабочих фабрики расстарались, — умудрился без документов добраться до Франции и выйти на один из организованных русской группой Сопротивления «встречных пунктов». Был переправлен в партизанский отряд под Тулузой, где специализировался в порче линий связи и высоковольтных подстанций. Участвовал в освобождении

древней столицы Лангедока, был ранен, отлежался у доминиканцев, после вновь отправился в путь, на смычку со своими.

Добрался до Штирии. В Мариборе попал под ковровую бомбардировку Британских ВВС, выжил, но оглох на одно ухо. В Птуйских горах нашёл партизан Карделя. Освоил взрывное дело. Практиковался, подрывая железнодорожные мосты. Схлопотал тяжёлую контузию. Наконец в мае сорок пятого вышел в распоряжение занявших Подравску советских войск. Далее, как и было заведено, поступил в распоряжение контрразведки, однако долго с ним не кантелились, отправили к месту приписки, то есть в переформированный родной автобат, который уже квартировался в саксонском Веферлингене, откуда до бывшего узилища Бежана (Арбайтсдорф) можно было прогуляться пешком...

В автобате Бежана из-за глухоты и прочих увечий комиссовали подчистую и спровадили в родной Тифлис. В Тифлисе его слегка придержало НКВД — по-видимому, проверяли некоторые эпизоды одиссеи, а тут подоспели из Франции наградной лист и медаль Сопротивления (Médaille de la Résistance)...

Исходивший вдоль и поперёк всю Европу, Бежан ощущал себя непригодным к длительному нахождению в состоянии статического покоя, посему подался в почталыоны. Как и заведено исстари, отчаянный франтирёр прихватил с мест разрушительной своей деятельности поживу: из Саксонии — фарфоровую курительную трубку с длиннющим чубуком, из Окситании — жандармское кепи (чёрный околыш, малиновый верх), несносимые альпийские башмаки жёлтой кожи с Триглава да штирийский диалект словенского языка. Добавим к трофейному добру непромокаемую плащ-накидку чёртовой кожи и вместительную почтовую сумку — долго ещё, до конца шестидесятых, можно было наблюдать, как, попыхивая трубкой, карабкался старый партизан по крутым улочкам в верхах нашего околотка, разнося по дворам газеты, телеграммы, письма...

Анархический Хромец

Виссарион: просторная блуза синей саржи, томик Кропоткина в кармане, орденские планки, негнущаяся нога — размашисто ступал на каблук, пронзительный взгляд, дикие кустистые брови, встрёпанные вкруг обширной лысины седые космы, бугристая ринофима (винный нос по-народному) — сопатка гаера походила на лежалую еловую шишку, однако, вопреки, употреблял всего раз в год — фронтовые сто грамм на День Победы. Презирал право, государство, собственность, в ожидании скорого прихода анархо-коммунизма скрепя сердце подчинялся общепринятым нормам поведения.

Заведовал околотовшной библиотекой. Обязанностями своими манкировал — отпускала книги, принимала почту, отвечала на входящие письма и тянула прочую рутину тощая желчная библиотечарша, — сам же, сколько я его помню, исписывая фиолетовыми чернилами ученические тетрадки в линейку, трудился над кодексом городского самоуправления — по параграфу на тетрадь. Набрал с десяток, составлял сопроводительную записку и сдавал рукопись в канцелярию горисполкома. Из-за предсказуемого отсутствия ответной реакции властей был угрюм, раздражителен, проявлял своё недовольство тем, что многотомные труды идеологов диктатуры пролетариата сваливал в самом пыльном и тёмном углу абонемента.

Над рабочим столом держал портреты Кропоткина, Бакунина, старейшины грузинских анархистов Варлаама Черкезидзиви и... Сталина — это по простовости двадцатого съезда, прошу отметить. Партийные органы закрывали глаза на чудачества Хромца, и тому была веская причина — его военное прошлое.

Как и его кумир Кропоткин, Хромец был географом. В довоенные годы истово увлекался альпинизмом. Сочетая увлечение с профессиональными обязанностями, облазил глухие ущелья Абхазии, Сванетии, Кабарды — составлял тематические карты малоизученных уголков Большого Кавказа.

Пришла война — Гитлер рвался к хлебу Кубани, к бакинской и грозненской нефти, к вольфраму Тырнауза, марганцу Чиатуры, а анархист истово рвался на фронт, но, увы, «козья лапоть» — в давней экспедиции отморозил на склоне Ушбы и потерял средние пальцы на правой руке — сделала его непригодным к строевой, вот и поставили гаера собирать гранаты в одном из цехов полностью перепрофилированного на нужды фронта Кировского станкостроительного. Долгий первый год войны набивал он тротилом «консервные банки» РГ-41, засыпая одновременно письмами с требованием направить автора в действующую армию все мыслимые инстанции, но — тщетно.

21 августа 1942 года пластуны горно-стрелковой дивизии вермахта установили флаг рейха на вершине Эльбруса. Сердце честного анархиста не смогло выдержать подобного надругательства над седьми вершинами *его* гор, и он предпринял попытку прорваться в кабинет командующего Закавказским фронтом Тюленева, был нейтрализован и препровождён во второй отдел известного здания на Дзержинского. Суровые чекисты приступили было к разработке вероятного диверсанта, но, опознав в нём автора бесчисленных эпистол с угрозами приступить в частном порядке к террору в расположении противника, передали его под опеку особиста родного предприятия. Однако — начальство предполагает, а Пишущие

судьбу располагают: ровно через неделю после неудавшейся диверсии на завод нагрянул с инспекцией замкомандарма оборонявшей перевалы 46-й армии, гроза тыловиков генерал Ищенко. Наш анархист, и так пребывавший в смутном состоянии, воспринял появление на своём жизненном пути фронтového начальника как знак судьбы, спарив, обмотал изоляцией только что собранные «изделия», и стал дожидаться появления обходившего цеха высокого гостя. Далее разыгралось короткое, но очень насыщенное действие: сопровождаемый охраной и заводским начальством генерал вступил в дверь, анархист вышел из-за рабочего стола, выставил перед собой связку и сунул палец в кольцо одной из гранат. Гости смешались, охрана наставила на протестанта стволы, назревала тяжкая развязка, не смутился только позабывший виды — двадцать пять лет в строю: Гражданская, отлов гайдамаков и петлюровцев, борьба с бандитизмом на Харьковщине, отсидка в Харьковском центре, реабилитация, комдив на турецкой границе, с сентября сорок первого на Кавказе, на передовой, — Ищенко, с большим интересом разглядывавший трагикомичную фигуру. — Кто таков? — обратился Яков Андреевич к особисту.

— Местный псих, — раздул ноздри вертухай, — альпинист отбракованный, на фронт рвётся...

— Альпинист? — генерал ступил к Виссариону, хлопнул по плечу. — Так ты мне и нужен! Бросай жестянки. За дурака меня держишь? — во избежание несчастных случаев гранаты и запалы к ним доставлялись в подразделения отдельно. — Бегом к моему автомобилю. Я у вас его забираю, — обернулся к заводским. — Сообщите в военкомат: отбыл в распоряжение сорок шестой армии...

В августе немцы прорвались к перевалам. 1-я горнопехотная дивизия захватила седловину Марухского, но у входа в ущелье противника остановили части 810-го стрелкового и лишили тем самым возможности проникнуть в долину Чхалты, на Кодори и Сухуми.

7 сентября к бойцам 810-го полка подошло подкрепление — несколько батальонов 107-й стрелковой бригады с батальоном 2-го Тбилисского пехотного училища, к которому и был приписан инструктором по альпинизму наш смутьян.

К тому времени война здесь затеялась минорно-пулемётная, без продвижения сторон: наши готовились к контрнаступлению — служба тыла с ног сбилась; немецкие пластуны отлеживались после тяжёлого рывка к вершинам.

От щедрот интендантской команды экипировку для Бесо подобрал наилучшего качества: куртка «канадка» цвета первой травы, штаны «гольф» того же колора и так называемые «студебекеры» — ленд-лизовские ботинки с квадратными

носами,— однако появляться в подобном наряде на линии огня днём было чревато, ибо на снегу движущееся ярко-зелёное пятно являлось отличной мишенью, вот и налачился новобранец лазать в блиндаж разведроты, проситься к стереотрубе: мол, присмотрюсь к ландшафту, намечу будущие колонные тропы, запомню места вероятных камнепадов— как инструктору, при наступлении пригодится. Торчал он там дня три, а на четвёртый пришёл в ночь, опять приник к трубе— разведчики уже привыкли к визитам частого гостя, не обратили внимания, что на сей раз тот явился с полным подсушком. Бесо поспеет у трубы, выкурил с бойцами сигарку, ступил за бруствер и ушёл в темноту, к котловине. Образовалась паника: послали за смершевцами, те сунулись было вслед, но быстро вернулись— забоялись мин, которыми была наштапигована пустошь. Примчался комбат, орал на ротного:— На передовую сошлю!

Тот огрызался:

— Вот она, передовая, в бинокль видна...

Пока сустились, седловину осветила вспышка, негромкий хлопок в ночной тиши раздался.

— П...ц перебежчику,— сплюнул старший особист,— на мину нарвался...

Сели писать рапорт. Пока спорили— никак стовориться не могли, явился сам «перебежчик»— весь в снегу, замёрзший, сунулся к печи обогреться. Его сгребли— и в штрафную землянку, в вязки. А утром разведчики высмотрели на противоположном склоне свежую воронку и остатки размётанного взрывом пулёмётного гнезда.

Тут уже полковое начальство зашевелилось, Прибыл прознавший о случившемся Ищенко, объявил подопечному благодарность от имени командования, велел впредь инициативу пластуна не зажимать и предоставил ему недельный отпуск с отправкой в Сухуми, в реабилитационный санбат. Бесо от отпуска отказался, двое суток отсыпался, после явился к разведчикам, набил подсумок гранатами и снова ушёл в ночь. Через час-полтора— вспышка, хлопок, к утру усталый, но довольный донельзя, отогрелся чаем со сгущёнкой у жаркой печи. На пятую ходку вернулся с трофеем— пригнал сильно побитого оберста «эдельвейса», который на ломаном русском умолял защитить его от «этого дикого горца». «Горца» с языком отконвоировали на вторую линию, в штаб полка, где герою устроили триумф. Поглядеть на Бесо прибыл сам командарм Леселидзе, обнял, расцеловал в обмороженные щёки, наколол на лацкан «канадки» медаль «За отвагу», велел штабным оформить наградной лист, усадил в свой «виллис» и увёз в неизвестном направлении. Вернули опухшего от злоупотребления генеральским коньяком анархиста через сутки. Не нарушая заведённого им самим распорядка, Бесо отоспался, дождался ночи и опять ушёл в седловину...

В декабре Ищенко направили в Тамбов, «поднимать» службу тыла сформированной для усиления Сталинградского фронта 2-й гвардейской армии. Яков Андреевич забрал с собой полюбившегося анархиста— ординарцем и, по совместительству, личным шофёром. По прибытии, на ходу доукомплектовывая армию, пошли на соединение с войсками Ерёмко. Встали на пути поспешавшей на выручку к Паулюсу группировки Манштейна, после с боями шли к Ростову, освобождали Новочеркасск. Всё это время Ищенко с верным водилой провели «на колёсах», в бесконечной гонке: боеприпасы, горючее, продовольствие, медикаменты, эвакуация больных и раненых— бесконечные эшелоны с передовой и на передовую, перешивка разорённых путей, зачастую под бомбами всё ещё сильного врага. Снаряды, снаряды, снаряды: плотность артиллерии— двести пятьдесят— триста стволов на километр фронта, это колонны грузовиков со снарядами... В этой кутерьме Бесо нагнала медаль в пару к первой: перед убитием с перевала неугомонный пластун разыскал и грохнул потайной склад «эдельвейсов» с внушительным боезапасом— сутки полыхало и рвалось.

На подступах к Донбассу встали в резерве у Миусского укрепрайона противника, стояли до июля сорок третьего. Деятельный анархист затосковал, впал в хандру, вот тогда-то и пришёл к Ищенко командир 13-го гвардейского корпуса Чанчибадзе:

— Наслышан, Яков Ильич, про художества твоего ординарца. Отдай мне земляка (Бесо, как и Порфирий Георгиевич, родом был из Озургет)— по нему разведка плачет.

Так анархист попал в разведроту только что вышедшей из окружения 3-й гвардейской дивизии.

Комроты, жёсткий старлей-сибиряк, сразу же загнал Бесо на гауптвахту, ибо тот заявил, что привык «работать» в одиночку и не приемлет коллективные походы в расположение врага.

После отсидки оппоненты вновь сцепились, чуть до драки не дошло— запахло штрафбатом. Пришлось самому Чанчибадзе разруливать, гасить конфликт. В результате обстоятельной профилактической беседы— а генерал мастерски умел укрощать строптивцев— стоворились: анархист прекращает какую бы то ни было самостоятельность, строжайшим образом подчиняется действующему боевому уставу, после завершения испытательного срока без провинностей, в виде поощрения, будет допущен и к персональным заданиям.

Стреножили неистового, на неделю отправили к сапёрам— ознакомиться с премудростями подрывного дела, привели к гвардейской присяге и зачислили в группу ночного поиска— сплошь матёрые, прошедшие Сталинград сибиряки-тихоокеанцы, которым фанатичный новичок пришёлся по душе

за холодное бесстрашие и за необъяснимую способность чувствовать на расстоянии мины и ловушки.

После были бои за Донбасс, освобождение Молочанска, Каховки, Херсона, Евпатории, Севастополя—здесь и нарвался Бесо на «свою» мину: негромкий хлопок и вспышка в ночи. Вынесли товарищи, ползком, через «колючки», в обход вражеских дзотов,—разведка своих не бросала, ни живых, ни мёртвых. А Бесо на удивление всем оказался жив, хоть и беспамятен. Эвакуировали, приложив медали и документы (на задание разведчики уходили пустыми—ни бумаг, ни наград, ни знаков различия), после череды полевых лазаретов попал в родной Тифлис, в эвакогоспиталь №1434 на Калинина: Пишущие судьбу вернули Бесо к самому порогу его дома—проживал он сызмальства на Кирочной...

Чинили анархиста долго, до осенних дождей, а в ноябре—гора с горой не сходится—прибыл в госпиталь на лечение (сказалось тяжкое переутомление первых дней войны) успевший дослужиться до звания бригадного генерала Войска Польского (помогал Рокоссовскому обустроить Главную интендантскую службу) Ищенко, можно сказать—крёстный Бесо. Встреча была трогательной и хмельной—с соизволения главврача раздавали бутылку-другую кахетинского.

—Порфирий знает, что ты здесь?—поинтересовался Яков Андреевич.

Анархист пожал плечами:

—От комкора до рядового, да ещё и списанного... —Разберёмся!—подмигнул дважды генерал, указал на две сиротливые медали, пришпиленные к больничной пижаме.—Что, за все твои художества всего-то пара бирюлек? Разберёмся!—подозвал госпитального сексота:—Слышь, чека, организуй-ка мне прямой провод с командармом-два. Тебя, Бесо, когда покорёжило, в мае? Значит, не знаешь, что Георгиевич нынче нашей гвардейской командует...

В феврале сорок пятого похорошевший Ищенко укатил командовать тылом Белорусского округа, а Бесо вернулся на родной станкостроительный—командовать цехом, в котором раньше собирал «изделия». В марте пришли наградной лист и третья «Отвага», а в середине июня Бесо вызвали в штаб округа, вручили орден Славы I степени, нарушив при этом обязательную очерёдность степеней, парадную форму нового образца и велели в ночь на двадцать третье число быть готовым лететь в Москву:

—За вами заедут.

Летели разномастной компанией: обвешенный орденами суровый танкист, капитан артиллерии с деревянной рукой, троица весёлых военморов, ну и сам Бесо—в новенькой гимнастёрке и с негнущейся ногой. Приземлились на Ходынском поле, ночевали в Лефортовских казармах, где им

раздали пропуска на парад Победы. К девяти часам утра Бесо уже протискивался сквозь толпу высокопоставленных гостей к гранитному парапету трибуны у Кремлёвской стены...

Откуда мне известны подробности жизненного пути анархиста? Несмотря на существенную разницу в возрасте—мне двенадцать, ему под пятьдесят,—были мы закадычными друзьями, вплоть до того, что Бесо позволял мне просматривать его дневники фронтового периода, а пристрастный к мемуаристике и педант при этом, практиковал он их тогда исправно. Мало того, допустил он меня в «закрытый» абонемент библиотеки—специальную комнату с подшивками периодики тридцатых годов, так что я, любопытствующий запретной темой, подавляя зевоту, изучал стенограммы обвинительных заключений по троцкистско-зиновьевскому, пятаковскому, бухаринскому делам. Когда патетический слог Андрея Януарьевича утомлял мои юные извилины, я откладывал в сторону подшивку «Известий» и отдыхал душой, просматривая занимательнейшие книжки «Огонька» с захватывающими описаниями полёта в стратосферу Константина Годунова, дрейфа папанинцев, перелёта Чкалова—Беляева—Байдукова... Вот такая была у нас дружба, на доверии, ибо ляпни я где-нибудь про посещения запретной комнаты, схлопотал бы мой старший товарищ серьёзные неприятности—стояли последние, мрачные дни хрущёвщины.

Лето шестьдесят четвёртого я отбалбесил в деревне у родни, а когда к началу учебного года вернулся в город, ждало меня горькое известие: Бесо умер, без мучений, заснул и не проснулся. Жил он бобылём, сбережений ввиду скудного жалования не оставил, похоронила его, как фронтовика-орденоносца, военная комендатура города, награды, за неимением наследников, сдали властям...

Светлейшая княжна

Образцовых воспитанниц Смольного называли парфетками (от французского *parfait*—совершенная), непослушных отроковиц—мовёшками (*mouvaise*—дурная). Юная Софья Александровна относилась ко второй группе, и многим позже, вопрекор пережитым невзгодам, нрав сохранила озорной и весёлый.

С матушкой сдружилась в буйнолесье целебного Чатахи, куда в войну вывозили анемичных детей. Позже дружбу скрепили соседские отношения—княжна получила двухкомнатную квартиру в новострое наискосок от нашего двора. Трудилась бывшая воспитанница Смольного на нашей мебельной, полировщицей. Порой после смены наведывалась к нам—посплетничать. Усевшись в массивное кресло—стулья её породистое тулово не выдерживали,—заправляла в серебряный мундштук с богатым орнаментом (последняя оставшаяся после лихолетья семейная реликвия)

папиросу, закуривала, выпускала колечко дыма, и жаловалась матушке:

— На фабрике полный бардак! Как Циклоп свою лавчонку прикрыл, так политура, считай, без шеллака сделалась, один спирт, марганцовкой подкрашенный...

Сико

Частенько, заехав домой на перерыв и отобедав, отлавливал меня во дворе, сажал в министерский

зим и забирал на службу. В Главном кабинете мне предоставлялось место за совещательным столом, неограниченное количество бумаги и карандаши. Сико снимал стружку с аппаратчиков, а я старательно разрисовывал предоставленный папир. Было мне тогда лет пять-шесть. Времена были безмятежные, да и министры тогда были неправильные: государственных средств не расхищали, ездили без охраны, простых смертных за равных держали...

Продолжение следует...